

Павел Бажов

Тяжелая витушка

Это про мою-то витушку? Как я богатым был да денежки профурил? Слыхали, видно, от отцов? Посмеяться, гляжу, над старичком охота? Эх вы, пересмешники. А ведь было. Вправду было. И ровно недавно, а как сон осталось. Иное, поди, и вовсе забыл. Шибко, вишь, память-то свою промывал в ту пору... Чуть с головой не умыл. Где все помнить!

С воли это, слышь-ко, началось.

Ее - волю эту - у нас на приiske начальство прикрыть хотело. По деревням разговор прошел, а мы и слухом не слыхали. Только та заметка и была, что в завод на побывку отпускать не стали. Хоть того нужнее человеку, - один ответ - нельзя. И пришлох на прииск принимать не стали.

Что, думаем, за притча? Раньше сколь хочешь со стороны брали, а теперь не надо? И нас что-то крепко держат?

А прииск в глухом месте был. Под Васькиной горой в лесу. Давно тот прииск бросили. Там, сказывали, не то дикой огонь, не то синюха объявилась. Это уж не знаю. Дикому огню по здешним местам ровно бы не должно быть, а синюха - это бывает. Ну, не в том дело... Прикрыли, говорю, тот прииск под Васькиной горой, а тогда бойко работали, и золотишко шло вовсе ладно. Народу, конечно, порядком нагнано было, и все из наших заводских. Вот приисковско начальство, видно, и думало:

"Откуда им узнать, коли никого домой не отпускать и со стороны народ не брать. Пусть-ко по-старому работают. Нам так-то привычнее".

Только разве народ не дойдет? Узнали и зашумели:

- Как так? Всем воля, а нам нет.

Начальство нашло отговорку:

- В церквях, - говорят, - волю читают, а у нас где? У бочки, что ли?

Кабака, вишь, настоящего на приiske не было, а винну бочку казна держала. Заботилась, значит, как бы кто копейку домой не унес. У этой винной бочки, конечно, всякого бывало... На то и намекали. Насмех повернуть им охота пришла. Только народу какой смех. Шумят, таку беду, кричат:

- Читай сейчас, а то все с прииска уйдем в завод волю слушать.

Начальству делать нечего - притащили бумагу, давай вычитывать. Да разве поймешь у них, что нагорожено? Дознаваться стали, что да как? Про пашню первым делом, про леса, про пески тоже - как с ними? Начальство и говорит - пашни по нашим местам взять неоткуда, леса и пески за владельцем, а за избы свои да за огородишки вам платить причтется.

Так и удумано было, только никто тому не поверил.

Я тогда уж мужик вовсе на возрасте был, а про волю-то услышал, шумлю больше всех.

- Мошенство, - кричу, - это! Не может такого быть! Аида, ребята, в Полеву! Там разберем, как надо. Что этих слушать-то!

Другие тоже не молчат. Приисковский смотритель - ох, язва был, а ласкобай! - тогда и говорит:

- Ваше дело, ребяташки, ваше дело. Вольные вы теперь. Куда захотели - туда и пошли. Нас не обессудьте - обратно принимать не станем. Дружкам своим тоже весточку подадим, чтобы остерегались вас на работу брать. Мы ведь тоже, поди-ко, вольные - не всякого примать станем, а кого нам любо. В этом не обессудьте!

Это он, конечно, с хитростью так-то говорил. По закону другое выходило. Заводская земля, поди-ко, не на-вовсе барам отдавалась, а по условию, чтоб, значит, всякому заводскому жителю какая ни на есть заводская работа была предоставлена. Только разве кто про эту штуку знал по тому времени? Вот смотритель и припугнул, - работы, дескать, давать не будем, чем тогда жить станете? Тут иные посмякли, а кто помоложе да погорячее - на своем остались: ушли с прииска. И я в том

числе. Пришли домой и первым делом про волю спрашивать стали. Ну, нам и обсказали:

- Эта, дескать, царская воля, как, например, у человека на голове плешь,- блеснит, а уколупнуть нечего.

Мы видим - верно, вроде того выходит. Все ж таки испировали маленько. "Хоть, - думаем, - спина не так отвечать будет". Того и не смекнули, что брюхо погонит, так заневолю спину подставишь.

Пропились, конечно, до крошки, а кусать всякому надо. Что делать, коли у тебя ни скота, ни живота, а ремесло одно - землю перебуторивать.

Мне это смолоду досталось. В ваши-то годы я вон там на Гумешках руду разбирал. Порядок такой был - чуть в какой семье парнишко от земли подымается, так его и гонят на Гумешки.

- Самое, сказывают, ребячье дело камешки разбирать. Заместо игры!

Вот и попал я на эти игрушки. По времени и в гору спустили. Руднишний надзиратель рассудил:

- Подрос парнишко. Пора ему с тачкой побегать.

Счастье мое, что к добрым бергалам попадал. Ни одного не похаю. Жалели нашего брата, молоденьких. Сколь можно, конечно, по тем временам. Колотушки там либо волосянки - это вместо пряников считалось, а под плеть ни разу не подводили. И за то им спасибо.

Еще подрос - дали кайлу да лом, клинья да молот, долота разные.

- Поиграй-ко, позабавься!

И довольно я позабавился. Медну хозяйку хоть видеть не довелось, а духу ее сладкого нанюхался, наглотался. В Гумешках-то дух такой был - поначалу будто сластит, а глотнешь - продыхнуть не можешь. Ну, как от серянки. Там, вишь, серы-то много в руде было. От этого духу да от игрушек у меня нездоровье сделалось. Тут уж покойный отец стал руднишное начальство упрашивать:

- Приставьте вы моего-то парня куда полегче. Вовсе он нездоровый стал. Того и гляди - умрет, а двадцати трех ему нету.

С той поры меня по рудникам да приискам и стали гонять.

Тут, дескать, привольно. Дождичком вымочит - солнышком высушит, а солнышка не случится - тоже не развалится.

В наших местах, известно, руду вразнос добывают, сверху берут. Так-то человеку вольготнее, только мне не часто это приходилось. Больше в землю же загоняли. Такая, видно, моя доля прилась.

- Ты, - говорят, - к этому привычный. На Гумешках вон сколь глубоко, а здесь что. Самая по тебе работа.

Так я всю жизнь в земле и скребся, как крот какой. Ну, в этом деле понимать стал, а больше-то и нет ничего. Вот и думаю: "Некуда мне податься, кроме как в землю".

Только приисковому смотрителю тоже покориться неохота - на старое-то место итти, а в гору и вовсе желанья нет. С молодых лет наигрался там, да гляжу, - и другие из горы повыскакали. Куда вовсе несвышно лезут, лишь бы не в гору. Вот она какая сладкая была! Никому неохота туда по воле спуститься. Выработка-то сразу убавилась. Зовут туда, заработок обещают получше, а люди в сторону глядят.

Потом один по одному собираться стали на Гумешки и в гору полезли. Сказывают - еще там хуже стало, потому - вода силу взяла. В откачке-то, видишь, большая остановка случилась, ну, вода и взяла волю. Только на заработок не жалуются. Против других-то мест вовсе ладно приходится.

Иной в кабаке и прихвастнет. Сыпнет на стойку пятаков, да и приговаривает:

- Хоть из мокрого места добыты, а денежки сухонькие да звонкие!

Гумешки, известно, для барского кармана самым прибыльным местом считались. Их и старались сохранить. Всяко туда народ заманивали и на плату не скупилась.

Ну, я все-таки крепился.

- Нахлебался сладкого. Не пойду в гору, хоть золотом осыпь! Не пойду и не пойду!

И жена меня к этому не понуждала, попутные слова говорила:

- Не ребятишки у нас. Без горы проживем как-нибудь.

Только говорить-то это легко, а как поесть нечего, так всякому невесело станет. Продержал этак-то с месяц, вижу - вовсе туго пришлось: работы никакой, и куска нет. Что делать? Либо поклониться приисковскому смотрителю, от которого ушел, либо - в гору спускаться. Думал-думал, на то решился:

- Пойду в гору.

Тут и навернулся ко мне кособродский один, Максимко Зюзов. Дружок не дружок, а знакомец. Случалось, в одном месте рабывали. Тоже мужик вовсе возрастной, седой волос пускать стал. Ну, те разговоры, други разговоры, потом он и говорит:

- Давай-ко, Василий, станем на себя стараться. Не вспучишь их - казну- то! А нам, может, фартнет. Струментиншко нехитрый. Не обробим себя - и то не беда. Попытаем, давай!

Понимал я, к чему это гласит. Про меня, вишь, люди-то говорили - этот, дескать, сроду в земле роется, знает, что где положено. То, видно, Зюзева и заохотило со мной искать. Подумал-подумал я, да и говорю:

- Ладно, нето. Попытаем, в котором месте наш фарт лежит.

Указал, конечно, местичко, заявку в конторе сделали, стали дудку бить. Песок пошел подходящий... Вовсе биться можно, даром что в контору за самый пустяк золото сдавали. Только Зюзову все мало. Он, вишь, из скоробогатых. Покажи ему место, чтобы сразу разбогатеть. Я ему сперва по совести:

- Это, мол, и есть доброе место. Надо только не все золото конторе сдавать, а часть купцам. Тогда и вовсе ладно будет.

Зюзов про это и слышать не хочет, - боится. Да еще дался ему какой-то серебряный олень. Все меня спрашивает - не видал ли? Он будто ходит близко, видели его люди. Там вот и надо копать, где тот олень ходил. Я уговаривал Максимка не один раз:

- Какой олень по нашим местам? Тут только козлы да сохаты.

Максимко все ж таки мне не верит, думает, - не сказываю. А я всамделе оленя за пустяк считал. На змею, на ту надеялся маленько, на иней тоже. Примечал змеиные гнезда, места тоже, на коих иней не держится. Это было, а на оленя вовсе не надеялся. На этом мы и разъехались. Максимко свое кричит, я свое. Рассорка вышла.

Тут он меня и укорил:

- Мой хлеб ешь!

Я не стерпел, конечно:

- Как твой, коли с утра до ночи в земле молочусь.

Он и давай высчитывать, и все на кривой аршин. Сколь мы от конторы за золото получили - от половины отперся, а сколь мне давал - то вдвое выросло. Плюнул я тут:

- Оставайся, лавка с товаром!

Взял лопату и пошел, а он кричит, всяко хает мое место:

- Часу не останусь! Кому нужно пустое место!

Тогда я и говорю:

- Коли так, сам тут останусь.

Максимко давай надо мной смеяться:

- Чем ты без меня держаться будешь? Свое-то я сейчас увезу. Других дураков, кои бы тебя кормить стали, не найдешь. Всем скажу, какое тут богатство. Сиди один на голой-то дудке.

"Погоди,- думаю,- кошкин сын, докажу я тебе!"

Пришел домой, побегал по своим друзьям, перехватил того-другого и говорю жене:

- Собирайся на прииск. Подымай будешь.

Нонешняя-то старуха у меня другая. Так уж, для домашности ее взял, а тогда у меня жена настоящая была. Смолоду женился, вместе горе мыкали. Славная она у меня была и в рудничном деле бывала.

- Ладно,- отвечает.

Пришли мы к дудке, а Максимко вовсе ее оголил. Скажи, жердник был... я же и рубил... Так он и этот жердник уволок. Подивился я, до чего вредный человечешко. Ну, наладил мало-мало. Стали ковыряться. Промыли - ладно. А Максимко наславил, видно, что пустое место. Оленя своего искать стал. Наше место и обегают. Двоем с женой тут и скребся. Нам это наруку. Да еще из-за этого Максимка укрепился я - в кабак ни ногой. Покориться-то было неохота, что единого дня не продержусь. И место новенькое нашел, куда золотишко сдавать.

Орленым-то, слышь-ко, ястребкам, кои тайной продажей промышляли, с опаской сдавать приходилось. Они понимали сорт. Углядят - ладно мужик несет, сами на то место заявку сделают, либо обрежут со всех -сторон, а то и вовсе выживут. Вот я и нашел нового купца. Шибко он жадный был, а сил настоящих еще не было. Кабак, конечно, содержал - тесть у него там сидел - при доме амбар со всякой мелочью, тут же и мясом торговал и по ярмаркам ездил. Однем словом, свет бы захватил, кабы руки подольше. К этому купцу я и стал понашивать. Он понимал, как золото от припою отличить, а настояще сорт понять где же! Привычку на это надо иметь и глаз не такой. Тут нутряной глаз требуется, который в нутро глядит, а у этого купца верховой глаз - во все стороны. Где такому сорт золота узнать! Да и побаивался он.

- Ты, - говорит, - Василий, не скажи кому, что мне золото сдаешь. Не привык я к этому. Сибирью такие дела пахнут.

Про то не сказывал, чем барыши пахли, а, видать, неплохо. Разохотило его. Никогда отказу не было, и в цене без большой прижимки, и расчет без мошенства. Это все мне подходило, - сдавал ему помаленьку. Так бы, может. мы с женой и вовсе жителями стали, не хуже других век прожили, да тут эта витушка и подвернулась.

Как сейчас помню. Накануне Здвиженья было. Баба кричит мне в дудку:

- Будет тебе, Василий. Праздник, поди-ко, завтра. Прибраться надо. Пойдем домой поскорее.

Песок у меня вовсе крепкий, чисто камень. Намахался я и думаю: "Верно, хватит..." Размахнулся для последнего разу покрепче, а кайло-то у меня и задержалось, - как под камень попало.

Выпатывать стал - не выходит. Рванул во всю силу на себя, мне в правую ногу и стукнуло, да так, что хоть криком кричи. Как отошла маленько боль, я и любопытствовал - что за камень такой? Взял в руку. Мать ты моя! Золото. Как вот витушка праздничная, только против хлебной много тяжелее. Сверху вроде завитками вышло, а исподка гладкая, только чутешные опупышки на ней, как рукой оглажены. Сколь его тут?

Про ногу сразу забыл. Кричу: "Подымай, Маринша!" Она, не того слова, вымахнула, а я вовсе как дурак стал. Смеюсь это да давай-ка ее обнимать - это жену-то.

Она спрашивает:

- Что ты, Алексеич?

Я тогда и показал:

- Гляди!

- Ну, что? Вижу - камень какой-то...

- Держи!

Она думала - небольшой камешок, не сторожится, а как подал, так у ней рука вниз и поехала.

Побелела тут моя Маринушка и, даром что кругом лес, шепотом спросила:

- Неуж золото?

- Оно,- говорю.

Смывку песку делать не стали. Домой скорее.

И вот диво, - бежим, всю дорогу оглядываемся, будто мы что украли. Прибежали домой. Запрятал я витушечку, наказываю Марине:

- Гляди, не сболтни кому!

Она обратно меня уговаривает:

- В кабак не зайди ненароком, пока золото не сдал. В контору такую штуку нести и думать нечего. Еще отберут! А уж место захватят - про то и говорить не осталось.

Вечерком и пошел я к своему-то купцу. Будто мяска для праздника курить. Улучил минутку, говорю - дело есть,

- Обожди, - говорит, - маленько. Скоро амбар прикрою.

Вот ладно. Отошел покупатель, запер купец двери и говорит:

Это и раньше бывало, - в амбаре-то сдавать. У него, вишь, весов-то настоящих не было, а кислоту да царску водку на полке открыто держал, будто для торговли. Просто тогда с этим было, кому доходя продавали. Я и говорю:

- Запри-ко ты и в ограду двери.

- Зря отвечает, - беспокоишься. Из своих никто не зайдет, - не велено, а чужих не пустят,

А я свое:

- Запри все ж таки.

Он тогда и забеспокоился:

- Уж не узнал ли кто, зачем ты ко мне ходишь? Может, сказал кому?

- Про это, - говорю, - не думай. Никому и в мысли не падет, зачем к тебе хожу. Только много у меня.

- Это, - отвечает, - не беда, что много. Лишь бы не мало. Сколь хочешь приму. - Двери, однако, запер в ограду-то. - Ну, - говорит, - кажи!

Взял я тут для случая топор с мясной колодки, подал ему свою витушку в тряпице:

- Ну-ка, прикинь сперва это.

Он - купец: по руке-то сразу почуял, - тяжело.

Спрашивает:

- Что это у тебя?

- Прикинь, - говорю.

Бросил он на ходовые весы. Вывешал, как следует, говорит:

- Восемнадцать с малым походом.

- Вот и бери.

- Что брать-то? Где оно у тебя?

- А в тряпице-то...

- Восемнадцать фунтов?

- Сам вешал. Коли силы нехватит, в контору снесу.

Это про контору-то я так, для хитрости, помянул. С чего бы я туда потащил? Развернул мой купец тряпицу, давай витушку кислотой да царской водкой пробовать. Ну, золото и золото. Тут, - гляжу, - в пот купца бросило. Так с носу и закапало, а молчит, только на меня уставился. Потом и говорит:

- Поди, сверху только золото-то?

Вишь, какое понятие у него! В самородке, думал, середка чугунная. Ну, не дурак ли? Я ему растолковываю, что вот опупышки-то и есть самородная печать, а он, видать, не верит. Отговорку нашел:

- Эко-то место мне не откупить. Денег не хватит. Разрубить придется. Не в контору же тебе сдавать.

Уговаривает, значит, меня. Я и сам вижу - без этого не обойдется, а жалко рубить-то. Ну, все ж таки взял витушку да тут же на мясной колодке и обрубил крайчики. Купец опять давай пробовать. Тут уж, видно, настояще уверился, побежал в дом за деньгами. Прибежал со шкатулкой, а самого так и трясет. Боится, видно, и жадность одолела. Тоже ему кусок. Не знаю, почему они сдавали, а мне этот купец на рубль дороже против конторского платил.

Вывешал купец на ходовых весах середину особо, крайчики особо. Выгреб из шкатулки, из-за пазухи выворотил пачки бумажек покрупнее. Ну, выручку в это же место... На крайчики денег довольно, а ему серединку купить охота. Она потяжелее вышла.

- Поверь, - говорит, - в долг. Через день, много через два, отдам.

Ну, объясняю, конечно, что в таких делах долгов не бывает. Тогда он и говорит:

- Пойдем ко мне, посиди маленько. В кабаке за выручкой сбегая, - и подвигает ко мне деньги-то. Сосчитал я. Вижу, - ладно будто, пустяка не хватает. Подождать можно. Как у купца видел, тоже крупные-то деньги за пазуху забил, а помельче в карман, крайчики в сапог спрятал. Пошли мы с купцом в дом, а там, - гляжу, - угощение выставлено. Хозяйка, такую беду, суетится, хлопочет.

Убежал купец в кабак, а она ко мне и подъезжает:

- Выкушай, гостенек! Не почванься на моей хлеб-соли. Не изготовилась, как следует. Не ждала гостя.

А чего не изготовилась - полон стол наставлено. Ну, я креплюсь, конечно, - не пью вина. Так ей и сказал:

- При деньгах. Нельзя мне.

Она это вьется всяко да наговаривает:

- Красненького хоть, нето, выпей, - и подает мне в руку стаканчик. Так небольшой стаканчик, с половиной чайного. - Я, - говорит, - и сама этого-то выпью, - и наливает себе такой же стаканчик. "Что, - думаю, - мне с одного сделается? Неуж перед женщиной неустойку покажу?" Взял да и хлебнул.

Ох, и вино! Такого отродясь пить не доводилось. Крепкое будто да густое, а дух от него: век бы нюхал. Потом я узнал - ром называется. Шибко мне потянулось, а бабенка эта - купчиха-то - уж успела, другой стаканчик налила. Я и другой хватил, а дальше, известно, - полетели мелкие пташечки...

Все ж таки я тогда убрался от купца. Деньги и крайчики в целости донес домой. Вместо додачи, за которой купец в кабак бегал, мешок гостинцев приволок. Еды там всякой, жене шаль, конечно, и протча тако. И тут же, слышь-ко, ромку этого бутылок пять либо шесть. Купчиха-то, вишь, удобрилась, говорит мужу:

- Поглянулось человеку - что нам жалеть? Отдай ему, Платоша, все. Из города потом привезешь. Купец рад стараться:

- Да я... ему-то?... неуж пожалею... Пушай на здоровье выкушает стаканчик и супружницу свою попотчует. Не пивала, поди, она такого вина? Попотчуй ее, не забудь! Я тебе еще привезу. Так привезу... не за деньги!.. Для хорошего человека мне не жалко... Попотчуй жену-то, не скупись. Пришел я домой, показал Марине кучу денег, захоронил крайчики и давай жену потчевать. Она сперва отнекивалась - крепко будто, потом похваливать стала - какой дух баской!

Пьяные-то мы зашумели, конечно. Песни запели, пляска на нас нашла. Знакомцы разные понабились. Видят - фартнуло, поздравлять стали:

- Со счастливой находочкой.

Ну, прилили, приели, что дома было, в кабак пошли. А купец этот тестя в амбар - сам за стойку и

всяко мне сноровляет. Приятелей у меня тут объявилось - ни пройти, ни проехать. И покатилося колеско по гладенькой дорожке. Бабенки появились, прилипать ко мне стали. Маринушке моей это обидно, конечно... Она тогда на ромок налегать стала. Купец и ей угождает и так, слышь-ко, втравил, что и от простого не стала отворачиваться. На две-то руки у нас и пошла работа, а купец, знай, обсчитывает да обсчитывает:

Проспимся когда, себя потешим:

- Крайчики у нас остались.

Только и крайчики, даром что с рванинкой были, тоже, как по маслу, в купецкий карман ушли. Чисто мы отработались.

Это бы ничего, да то худо - захворала моя Маринушка. От жизни-то этой худой. Помаялась маленько, да и умерла. Схоронил ее, потужил, погоревал - и на прииск. Куда больше-то?

На том месте, где мы нашли эту перепеченную витушку, Максимко Зюзов со всей родней. Место-то, вишь, на него было писано. Он и припал тут. Не стал, видно, за оленем своим бегать. Раздобрел - фу-ты, ну-ты! Шапка с бантом, сапоги с рантом! В Косом Броду сыновьям дома поставил. По воротам бляшки набил. Знай наших! Одним словом, разбогател.

Поглядел я, поглядел, да и пошел на Бесштанку. Там у меня тоже было примечено. Охочих со мной стараться - хоть колом отбивайся. Думают - не попаду ли опять на витушку, а то и на целый калач.

Только, видно, не испекли больше про меня. Так, золотишко нахаживал... Себе и людям хватало... А чтоб такую же дурь выколупнуть - этого больше не случалось.

Может, оно и лучше. Хоть свой век доживу да с горки на людей погляжу, а то где бы дотянуть! Наш старательский фарт ведь что? Сперва человек с перепою опухнет, а там, глядишь, и ноги протянет.

Так-то... Думали мы с женой - счастье нашли, а оно в беду ей перекинулось. Подвели люди. Ну, и меня поучили. Хорошо поучили. Знаю теперь, куда наше счастье уходит...

Вон те дома да каменные лавки Барышевские на нашей с Маринушкой доле и поставлены. Во-время мне тогда Барышиха стаканчик поддодонила. Сумела, змея. Этим стаканчиком посеючас меня люди дразнят. А мне что? Дурость, конечно, а все ж таки пропил - не украл.

И свое - не чужое.

Вот бы их - купцов-то - спросили, как они меня пьяного обворовывали, как жену покойницу к могиле толкали. А ведь спросят по времени. Еще как спросят-то! Тогда, поди, и наша с Мариной витушечка в счет пойдет. Ну, что? Не шибко, гляжу, вам смешно? Веселее бы сказал, да мало такого видал.